

УДК 159.9.01

**Параметр «Содержание» в структуре Психологической модели субъектности:
к проблеме диагностики состояния психологической модели субъектности
социального субъекта**

¹ Светлана Николаевна Тесля

² Алексей Алексеевич Беляев

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

доктор философских наук, профессор

E-mail: wayness@yandex.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

аспирант

E-mail: albelexus@mail.ru

Аннотация. На основе субъектного подхода, рассматривается структура Психологической модели субъектности социального субъекта как системы кодов субъектности. Анализируется место в данной модели такого важного параметра субъектности социального субъекта как «Содержание». Описывается логика эмпирической верификации состояния психологической модели субъектности через обращение к фреймингу локальных переменных функций кодов психологической модели субъектности.

Ключевые слова: субъектность; психологическая модель субъектности; социальный субъект; код; состояние; фрейминг; локальные переменные функций кодов субъектности.

Введение. Цель статьи – привлечь внимание читателя к «прикладным» возможностям Психологической модели субъектности социального субъекта (далее – ПМСС) (С.Н. Тесля, И.Б. Шуванов, А.А. Беляев, 2012).

Несколько вводных замечаний. Исходным для нас выступает понимание «человека как образа мира», что и делает его «субъектом жизни». Понятие «субъектность» вводится в качестве главного способа существования субъекта жизни и субъектом жизни. Мы различаем «интегральную субъектность», относящуюся к человеку, как субъекту жизни в целом, и «вектора» интегральной субъектности.

В зависимости от той или иной «формы» субъекта жизни, получают «имена» и главные способы их существования, или «вектора» интегральной субъектности. Так, если считать, что правомерно выделять такую форму субъекта жизни как «социальный субъект», то его «субъектность» будет «субъектностью социального субъекта». Если же «формой» субъекта жизни может являться «этнос», то его главный способ существования будет называться «субъектностью этноса».

Интегральная субъектность субъекта жизни есть порождение идеального (бытия себя), преобразующего реальное (жизнь себя). В преломлении на социального субъекта и вектором интегральной субъектности, в этом случае, мы считаем субъектность социального субъекта – активность особого рода, заключающуюся в изменении, преобразовании субъектом объекта согласно рациональным целям субъекта [1].

Важным стало понимание того, что рассмотрение субъектности в качестве понятия, конкретизирующего содержание и смысл перевода «жизни в бытие», позволяет избавиться от ретроспекций гносеологизма и анализа когнитивных артефактов такого «перевода», всегда идущих «во след» реальному процессу «антропологического размыкания человека» (С.С. Хоружий).

Обращение к голографическому принципу (целое может сворачиваться в части) и к метафоре фрактала (часть может нести код, алгоритм целого) показало, как могут быть связаны «субъект жизни» и «социальный субъект», субъектность субъекта жизни и субъектность социального субъекта.

Поясним, что «социальный субъект» интерпретируется:

- как исторически конкретная «форма» «субъекта жизни» (1);

- как структурно упорядоченное целое – «индивид» - «индивидуальность» - «личность». Триада «индивид – индивидуальность – личность» представляют «измерения» социального субъекта (2);

- как конкретная цельность мотивационных, когнитивных и действенных составляющих внутреннего мира индивидуума, живущего по законам социума (3).

Материалы и методы. Оставаясь в рамках психологии, мы вправе были поставить вопрос о субъективных аналогах субъектности, что и обусловило введение в концептуальный каркас такого понятия как «субъективная технология» субъектности социального субъекта. Именно в качестве субъективной технологии субъектности была представлена «психологическая модель субъектности социального субъекта» (ПМСС).

Гипотеза, которая легла в основание дальнейших рассуждений: «перекосы» в личной ПМСС социального субъекта (см. статью Тесля С.Н. в настоящем сборнике) можно диагностировать через анализ ее **состояния**.

В качестве иллюстрации того, как возможно обоснование данной гипотезы, представим модель **кодов** ПМСС с акцентом на таком параметре субъектности, свернутом в ПМСС, как «Содержание».

Под параметром «Содержание» понимается изменение, преобразование, конструктивная активность, конструирование, предполагающее селекцию, выбор из исчислимого набора возможностей того, что в данный момент актуально. Конструирование опирается на оценочное отношение к «объекту» (избирательность, предпочтение, интерес, выбор). Изменение, преобразование действительности в объект и действия с объектом – константа субъектности социального субъекта, свернутая в параметре «Содержание».

Выбор параметра «Содержание» не был произвольным. Как станет понятно из нижеследующего текста, именно этот параметр может выступить, своего рода, гештальтом, задающим способ связи всех составляющих психологической модели субъектности и делающим понятным, в частности, как «работает» ПМСС, как феномен субъективности, в качестве регулятивного фактора субъектности.

ПМСС определяется как *система* кодов субъектности социального субъекта. Основным методологическим «маяком» в ориентации на понятие «код» выступили положения синергетики и философского структурализма. Однако само определение «кода» и его структуры (функций кода и локальных переменных функции кода) нашло обоснование в рамках «компьютерной» и «информационной» метафор, принятых на вооружение в когнитивной психологии, хотя и с некоторыми оговорками с нашей стороны. Эти «оговорки» касаются системы отношений «человек – информация»: если допускается считать, что человек способен получать и обрабатывать информацию, то установка на понимание человека как «образа мира» (А.Н. Леонтьев, 1975) позволяет допустить, что человек не только получает и обрабатывает, но и *производит* информацию.

ПМСС и несет значение субъективной инстанции, производящей информационный «блок» субъектности, а этот «блок» – субъектность в качестве «информации», обладающей своими предметными «носителями», денотатами -, в свою очередь, может быть «воспринят» и «обработан» («свернут») посредством когнитивных процедур.

Затем, уже как «*знание-идеологема*», этот информационный блок может быть «внедрен» в социализирующие практики через социальные представления о «норме». Конкретный индивидуум усваивает «нормативы» на мотивационном, когнитивном и поведенческом уровнях в качестве *стереотипов* (чувств, мыслей и действий), именно на них зарабатывая социальное одобрение-оценку.

Стереотипизация (Т. Адорно, Дж. Дьюи, У. Липпман, Р.О'Хара) т.о., является инструментом рационализации социального бытия и способом регулирования, контроля «рабочих социума» со стороны социальных институтов. Кроме всего прочего, это значит, что социальный субъект, рассматриваемый на уровне «рабочего социума», принципиально «исчислим», то есть, «*предсказуем*», поскольку живет согласно логике идентификации - профессиональной, гендерной, возрастной и других статусно-ролевых выборов, типичных для социума, запрашивающего эти стереотипы от индивидуума.

Следовательно, мы признаем существование психологической модели субъектности социального субъекта на разных уровнях:

- ПМС социального субъекта как «формы субъекта жизни» - уровень «общего»;

- ПМС социального субъекта, «разбитого» на конкретные «измерения» (индивид, индивидуальность, личность) – уровень «особенного»;
- логично предположить существование ПМСС и на уровне «единичного», то есть, в условиях конкретного фрагмента жизненного мира, в рамках «конечной области значений» – идентификационной ниши – в которой «оседает», включается и осуществляет субъектность конкретный индивидуум.

Обсуждение проблемы. Что делает модель, о которой идет речь, «психологической»? – Весь ее «состав» обладает такой чертой как «пристрастность». Все, что входит в ее состав, переживается субъектом и дает ему актуализировать в себе саму способность переживать, как его человеческую ценность. Таким образом, переживаемость переживания (Г.-Х. Гадамер) «делает» ПМСС «психологической». Но что конкретно значит «переживаемость», как она «опредмечивается» в субъективности конкретного человека? – Кратко, можно было бы ответить: как *отношение*.

«Отношение» здесь имеет значение «энергетического» посыла, импульса к объявлению себя в бытии. На уровне «общего» в бытии объявляет себя «социальный субъект как форма субъекта жизни», на уровне «особенного» – социальный субъект как «индивид», «индивидуальность», «личность», на уровне «единичного» в бытии объявляет себя конкретный индивидуум, реализуя свое отношение к событийному контексту своей *жизненной ситуации*. Во всех перечисленных «случаях» отношение манифестирует позицию социального субъекта. Масштабом позиционирования выступает «жизнь», так что, мы можем назвать позицию «жизненной позицией», или «позицией по отношению к жизни в целом».

Итак, исследование подвело к гипотезе, что выделенные параметры субъектности **представлены** в структуре ПМСС:

Первое. Параметры субъектности представлены на уровне всех функций кодов ПМСС, но распределены не равномерно – в разных кодах согласуются с разными функциями кодов (Рис.1):

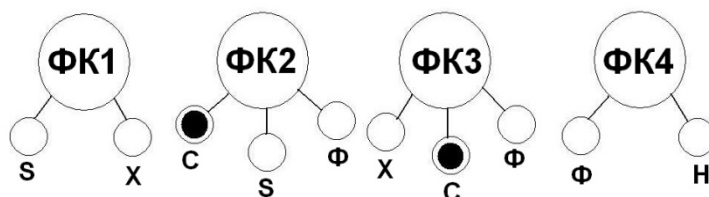


Рис. 1. Соответствие параметров субъектности функциям кодов субъектности в ПМСС. ФК1 – функции кода 1, ФК2 – функции кода 2, ФК3 – функции кода 3, ФК4 – функции кода 4. Параметры субъектности: S – субъект субъектности, X – характер, C – содержание, Ф – форма, Н – направленность

Так, функции кода 1 соответствуют, главным образом, значению таких параметров субъектности как «Субъект субъектности» и «Характер»; функции кода 2 – значению таких параметров как «Содержание», «Субъект» и «Форма» субъектности; функции кода 3 – значению таких параметров как «Характер», «Форма», «Содержание»; функции кода 4 – значению параметров «Форма», «Направленность».

Второе. Параметры субъектности, выраженные в функциях всех кодов ПМСС, были распределены по соответствию мотивационным, когнитивным и действенным переменным субъектности. В результате, получены типы связей между каждой из субъективных переменных субъектности и остальными пятью параметрами субъектности, представленными в функциях кодов ПМСС (Рис. 2):

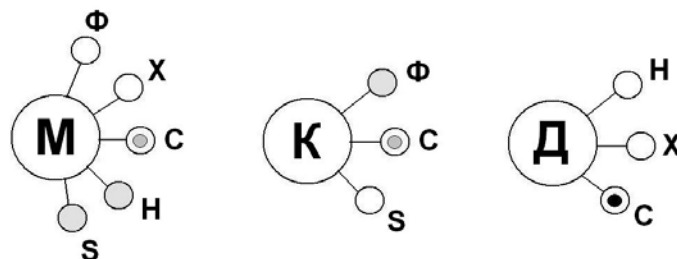


Рис. 2. Представленность параметров субъектности в мотивационном (М), когнитивном (К) и действенном (Д) модусах субъектности социального субъекта в ПМСС. S – субъект субъектности; C – содержание субъектности; Φ – форма субъектности; H – направленность субъектности; X – характер субъектности

Так, в **мотивационном модусе** большей выраженностью обладают параметры субъектности: «Субъект субъектности» и «Направленность». Но, имеют выраженность и все остальные параметры субъектности; в **когнитивном модусе** представлены три параметра и наиболее выражен параметр «Форма субъектности», при том, что «Направленность» не представлена; в **действенном модусе** наиболее выражен параметр «Содержание» субъектности, при выраженности «Направленности», «Характера» субъектности, но не представленными оказались «Субъект» и «Форма» субъектности; параметр «Характер субъектности» выражен в **мотивационном и действенном модусах** и не выявлен в когнитивном.

На рисунке 2 видно, что в мотивационном модусе представлены все параметры субъектности, и это позволило выдвинуть гипотезу, что, именно мотивационный модус субъектности и функции кодов ПМСС, как и локальные переменные этих функций кодов, соответствующие параметрам субъектности (S, H, C, X, Φ), вошедшим в мотивационный модус, *могут быть представлены в качестве «паттерна» кода субъектности социального субъекта*. Такой «паттерн», или «код кодов» ПМСС был выведен: в него вошли только некоторые функции четырех выделенных нами кодов и, соответственно, только несколько локальных переменных (Рис. 3):

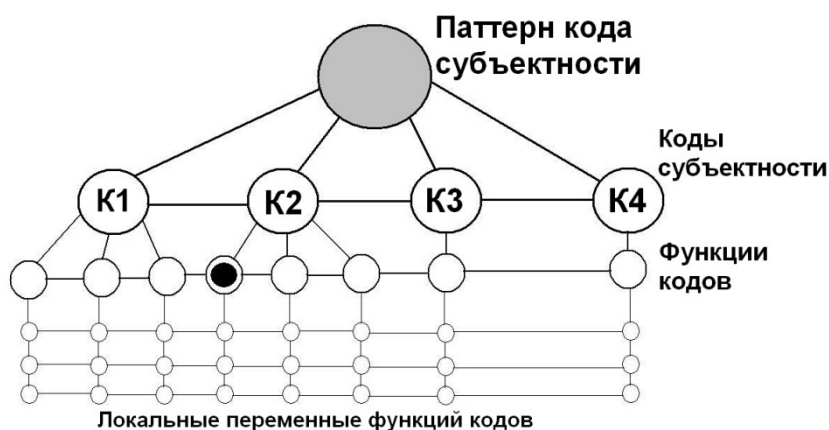


Рис. 3. Структура паттерна кодов субъектности. «Черным» выделена функция кода 2, в которой выражен параметр субъектности «Содержание»

Паттерн кодов значим не только тем, что дает возможность многое свести к единству, большое – к малому, но, главным образом, тем, что позволяет понять, как целое сворачивается в части. В плане верификации ПМСС, этот момент трудно переоценить: диагностируя паттерн, можно заключать о *состоянии* всех кодов ПМСС в полном объеме их «содержимого». Более того, именно паттерн, на наш взгляд, тесно связан с проблематикой безопасности. Поясним, что имеется в виду.

Наряду с психологической технологией субъектности, существуют, с нашей точки зрения, еще и субъективные «**техники**» субъектности. Они «спрятаны» внутри технологий. Одна из «техник» - Психологическая модель безопасности социального субъекта (ПМБ).

Она, так же, как и ПМСС, сосредоточена на процессе субъектности. Считая семантическую оппозицию опасность/безопасность обладающей психологическим статусом, мы, тем самым, ввели этиологию «опасности» и «безопасности» в поле человеческих отношений. Понятие «ситуация опасность/безопасность» было введено с целью подчеркнуть переживаемостно-проживаемостный характер «опасности» или «безопасности», акцентируя их именно как переживания, которые проживаются в сам момент их переживания.

Значение ПМБ в качестве техники субъектности, действующей внутри ПМСС - свидетельствовать, давать субъекту (или другим – по поводу него) почувствовать и понять, что он находится в данный момент, или ему предстоит в скором будущем, попасть в ситуацию «опасность» или же в ситуацию «безопасность». Каким образом? – **Через определение состояния паттерна ПМСС**, сконцентрированном в мотивации индивидуума на субъектность. Подчеркнем – не просто в «мотивации», но в мотивационном модуле субъектности, мотивации, связанной с субъектностью, или с конкретным видом субъектности. К «виду» субъектности можно отнести любую профессиональную деятельность (= «работа»), гендерные отношения – любые интеракции, попадающие в реестр «ролевых».

Идеальная ситуация безопасности совпадает с полностью внутрисогласованным состоянием паттерна ПМС, переживаемым социальным субъектом. Согласованность «передают» горизонтальные линии, изображенные на Рис. 3, так что, для «индивида» ситуация безопасности опознается на уровне горизонтальных связей всех локальных переменных функций кодов паттерна ПМС. Для «индивидуальности» и «личности» - то же самое, однако, ясно, что это – другие психологические конфигурации «ситуации безопасность».

Между тем, паттерн содержит единые критерии для утверждения об адекватности переживаний безопасности и «индивидом», и «индивидуальностью», и «личностью». При допущении существования «ведущего» ресурса или измерения социального субъекта, мы получаем оптимальную матрицу «психологической» безопасности, переживаемой «индивидом», «индивидуальностью», «личностью».

Зная же несогласующиеся узлы матрицы («сбой горизонтали»), нетрудно понять, в каком субъективном фрагменте семантического поля паттерна, а, следовательно, и в ПМС, а, следовательно, и в самой субъектности, предвосхищается, бессознательно ожидается рост чувства неопределенности, активизируя и психические «центры страха», и ситуативную тревожность, и вероятность травм, внутри- и меж-личностных конфликтов и срывов, и безотчетное беспокойство, и «дергания» самооценки, неуверенность в себе, психосматику и др.

Т.о., психологическая модель субъектности начинает работать уже на мотивационном уровне, когда человек еще только предвосхищает будущее событие, находится на различных стадиях готовности к нему, представляя себя в предстоящем событии в «желательном», комфортном для себя, «свете» – как он будет выглядеть, как и что будет говорить, как и что будет делать.

Размышления в этом ключе подвели нас к вопросу: как возможна эмпирическая диагностика состояния паттерна кодов ПМС? К этому моменту было ясно, что, если бы это были тестовые задания, то количество их довольно ограничено – минимум по одному заданию на каждую локальную переменную, входящую в паттерн. Модель паттерна предлагает «ограничиться» 24-мя тестовыми заданиями, которые предстояло «подвести» под восемь шкал (функции кодов). Паттерн, являясь предметом диагностики, должен был привести к цели – к выявлению распределения параметров субъектности через конфигурацию кода кодов ПМС конкретного индивидуума.

Оставалось, казалось бы, совсем немного до «практического внедрения» теории. Однако в попытках сформулировать тестовые задания, мы столкнулись с необходимостью унифицировать критерии, которым должно было соответствовать задание. И, одновременно, это должны были быть очень пластичные задания, меняющиеся от ситуации к ситуации, учитывающие конкретные условия диагностики, в том числе.

Результаты. Таким образом, подойдя вплотную к эмпирической проверке теоретической схемы, мы вышли на проблему определения алгоритма той методической «единицы», используя которую мы могли бы получить достоверную информацию о действительной расстановке сил социального субъекта в конкретном виде субъектности через диагностику паттерна ПМС. Вопрос стоял следующий: что это может быть за «единица» (1), и каков ее «алгоритм» (2)?

Ответ на первый вопрос был найден при анализе таких понятий как «когнитивная схема», «сцена жизни» (У. Найссер), «семантические сети» (Burgun, A. & Bodenreider, O.

(2001) Cohen, P. R. & Kjeldsen, R. (1987) Halper M ; Chen Z; Geller J; Perl, Y. (2001). Hazewinkel, M. (1996/1997). Sowa, J. F. (2006)). В частности, анализ понятия «семантические сети», вывел на математическую теорию графов (Оре О.(1968.), Ошемков А.А, Уилсон Р.(1977), Харари Ф.(1973), Емеличев В. А., Мельников О. И., Сарванов В. И., Тышкевич Р.(1990), др.), что, в конечном счете, позволило представить кодовую структуру ПМСС в виде модели, объясняющей тип связности элементов внутри системы кодов ПМСС в форме «смешанного графа», вид которого предстоит определить в недалеком будущем (Рис. 4):

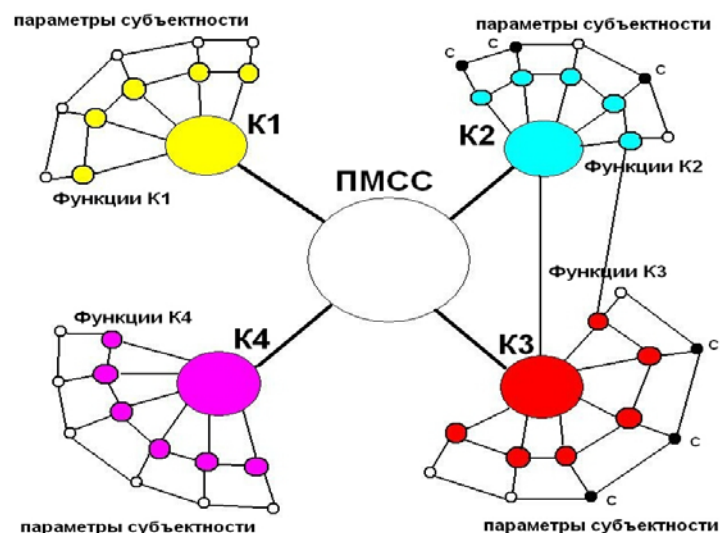


Рис. 4. Структура психологической модели субъектности социального субъекта (ПМСС). Показаны связи кодов, функций и параметров субъектности. Связь параметров с локальными переменными функций кодов - само собой разумеющееся, поэтому локальные переменные на модели не прорисованы.
«Черным» цветом отмечен параметр субъектности «Содержание» (с). K1, 2, 3, 4 – коды ПМСС. Соединительными линиями показаны связи элементов ПМСС

Поскольку кодов много (по меньшей мере, их четыре), то каждый из параметров субъектности представлен многократно, дробясь в кодовых составляющих и на уровне «функций кода», и на уровне «локальных переменных функции кода», упорядоченные в соответствие с динамикой измерений социального субъекта – «индивидуальностью-личностью».

На Рисунке 4 представлена полная модель структуры ПМСС. Ее построению предшествовала кропотливая работа по изучению сложившихся в зарубежной и отечественной психологии личностных представлений о структуре субъективного мира, соотношении важнейших категорий, таких как «активность», «деятельность», «субъект», «индивид», «индивидуальность», «личность». Результаты этого анализа и позволили, с одной стороны, получить определение субъектности социального субъекта, а с другой стороны, ввести обозримое множество точек зрения в классификационные рамки, присвоив полученным кластерам обобщенные названия.

Эти обобщенные названия и стали «именем» «кода» психологической модели субъектности социального субъекта. Были получены четыре кода: код 1 Ресурс субъектности; код 2 – Аксиологическое доминирование; код 3 – Тип активности; код 4 – Проективные символические системы.

Важно понимать, что от обобщенного «имени» кода ПМСС, «имени» каждой из функций кода и «имен» локальных переменных функций кода зависит корректность выведения алгоритма той методической «единицы», которую нам предстояло найти.

На Рис. 4, кроме всего прочего, отмечена связь двух кодов через параметр «Содержание» – кода 2 и кода 3, как и их функций. Аналогичным образом связаны друг с другом все коды, функции и локальные переменные.

В связи с отмеченной выше важностью понимания «отношения» как опредмеченности «переживаемости» переживания, не покажется случайным большая выраженность

параметра «Содержание» субъектности в коде 2 – «Аксиологическое доминирование» и в коде 3 «Тип активности». Если вернуться к схеме паттерна (Рис. 3), то увидим, что параметр «Содержание» также попал в его «мотивационный» состав вместе с Кодом 2, а именно – вместе с функцией «Тип отношения».

В целом, на уровне функций кодов, параметр «Содержание» связан со следующими функциями:

- «**Типом отношения**», «**Направленностью деятельности**» и «**Характером отношения**» (код 2);

- с «**Позицией по отношению к ситуации**», «**Техниками активности**», «**Видами порождающей активности**» (код 3). Естественно, что каждая из названных функций раскрывается в особых локальных переменных. И именно локальные переменные становятся непосредственным предметным полем, по поводу которого должна выстраиваться эмпирическая верификация ПМСС и диагностическая методика.

Раскроем значения указанных функций и локальных переменных параметра «Содержание»

Код ПМСС «Аксиологическое доминирование»:

1. Функция «Тип отношения»

Понятие «отношение» было сопоставлено с понятием «мировоззрение», как системы взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, включая жизненные позиции, программы поведения, действия людей, имеющие системный, в мировоззренческом смысле, характер. Мировоззрение – необходимая составляющая человеческого сознания. Это не просто один из его элементов в ряду многих других, но их системоорганизующий принцип. Разнородные «блоки» знаний, убеждений, мыслей, чувств, настроений, стремлений, надежд, соединяясь в мировоззрении, образуют более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя [2]. Из такого понимания «выливается» своеобразное отношение человека к миру, другим людям и самому себе. И если в качестве системоорганизующего принципа элементов сознания мы имеем дело с «мировоззренческим сознанием», то в качестве «своеобразного отношения человека к миру», мы говорим о «мировоззренческом отношении». Мировоззрение в целом есть синтез мировоззренческого сознания и мировоззренческого отношения [3].

Функция «Тип отношения» акцентирует аксиологическую основу (мировоззренческое сознание) мировоззренческого отношения, выступающую его (отношения) типологизирующим критерием. Эти «типы отношения», согласно принципу триады, представлены в следующих локальных переменных данной функции:

Локальные переменные:

- Потребительное отношение (С-О, субъект-объект) – своего рода функциональное отношение, где субъект запрашивает у объекта то, что для него актуально в данный момент.

- Оценочное отношение (С-О-С) – это эмоционально переживаемое соотнесение объективных свойств явлений окружающего мира с основанием материальных или духовных потребностей субъекта [4,5].

- Ценностное отношение (С-С) подразумевает такие отношения между людьми, которые не разъединяют, не отчуждают человека от других людей, от природы и самого себя, а напротив, объединяют, собирают людей в общности любого уровня: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом [4].

2. Функция «Характер отношения»

Давая определение функции «Тип отношения», мы обращались к термину «мировоззрение». Здесь же, для конкретного понимания, что такое «характер отношения», прибегнем к нескольким определениям «восприятия».

В общей психологии восприятие (perception) – сложный процесс интерпретации и осмысления сенсорной информации [5]. Восприятие – психический процесс, одна из стадий познавательной деятельности, приводящая к созданию образа объекта на основе анализа и синтеза отдельных его качеств, выделения при этом существенных признаков предмета или явления и отвлечений от несущественных и неактуальных [6].

Восприятие – процесс формирования образа предмета посредством вынесения себя за границы организма и помещения «на конце» «зонда сознания» (А.Н. Леонтьев).

Субъект, «внедряясь» своей «воспринимающей» активностью в окружающую действительность, конституирует предметность, «сплошность» мира как «объекта»

(принцип объективизации восприятия). В зависимости от уровня цельности восприятия, и в качестве «обратной связи» от предмета, субъект получает «вещь» как образ, обладающий определенной конфигурацией и композицией (принцип субъективизации предмета как «вещи»). Руководствуясь чертами вещи как образа («интериоризация»), субъект переживает и строит вполне определенное отношение к миру-объекту, позиционирует себя по отношению к объекту («экстериоризация»). Какое именно это отношение – мы видим в описании локальных переменных данной функции кода «Аксиологическое отношение».

Локальные переменные:

- Синкретическое отношение – это отношение к объекту, характеризующееся нерасчлененностью, не вычлененностью модальностей, отсутствием понимания отличия мира, явлений от логических дуальных оппозиций при одновременном полном произволе в истолковании явлений, например, соотнесения их с тем или другим полюсом оппозиции на основе принципа «всё во всем». Такое отношение рассматривает каждое различие через опасность отпадения, потери связи с космосом, с общиной, с миром и т.п., а также подразумевает отсутствие самостоятельной, отделенной от социального целого ответственности личности [8].

- Дихотомическое отношение – это отношение к объекту, характеризующееся образованием двух противоречивых противоположностей. Бинарное восприятие объекта, при котором объект делится на два взаимоисключающих класса, например «человек», «не-человек»; «плохой», «не-плохой» и т.п.

- Холистическое отношение подразумевает отношение к объекту как к некой целостной самодостаточной структуре, не сводимой к понятиям плохой-хороший, добрый-злой и т.п. [9].

3. Функция «Направленность деятельности субъекта»

Значение этой функции подразумевает ответ на вопрос: «На «что» или «куда» должна быть направлена деятельность, чтобы субъект оптимально мог изменять, преобразовывать действительность, переводя ее в объект»? Ответ следующий: субъект изменяет объект (окружающую действительность) в том случае, если характер его деятельности - *целевой*. [10] При этом, «целевой ценз» деятельности может быть различным, что и отражают следующие локальные переменные данной функции.

Локальные переменные:

- Потребление (усвоение) – это использование объекта с целью удовлетворения своих потребностей [11; 164-168].

- Воспроизводство – деятельность, направленная на сохранение, восстановление и воссоздание объекта [12].

- Культуротворчество – создание субъектом объекта с привнесением в мир «принципиальной новизны» [13].

Код ПМСС «Тип активности»:

1. Функция «Позиция по отношению к ситуации»

Под ситуацией здесь понимается сложная субъективно-объективная реальность, где объективные составляющие представлены в виде субъективного восприятия и личностной значимости для ее участников (участника) [14]. В зависимости от своего субъективного восприятия и личностной значимости объективных составляющих ситуации, субъект занимает определенную позицию по отношению к этой ситуации. Эта позиция характеризуется готовностью субъекта тем или иным способом начать взаимодействовать с окружающей действительностью в данной конкретной ситуации. Как именно – описано ниже в локальных переменных.

Локальные переменные:

- Включение в ситуацию (внутри ситуации) – происходящее в окружающей действительности субъект принимает полностью, как нечто неизбежное. И действует в рамках установленных обществом (а также, возможно, навязанных ему) правил (правил поведения, этикета, «хорошего тона» и т.п.).

- Управление ситуацией – субъект заботится, прежде всего, о своих интересах, стремится контролировать происходящее и направлять развитие сценария ситуации в нужное русло для реализации своих целей.

- Преодоление ситуации – субъект выходит «за рамки» данной ситуации, предвидя другую, смотрит на происходящее «со стороны» и действует вне установленных норм и правил.

2. Функция «Техники активности»

Для определения значения этой функции вновь обратимся к понятию «активность», предлежащей всякой человеческой деятельности, как взаимодействию субъекта и объекта (окружающей действительности), в котором субъект сознательно и целенаправленно изменяет объект (окружающую действительность). Функция «Техники активности» дает нам возможность увидеть, как он (субъект) осуществляет саму деятельность, где слово «техника» имеет значение напряжения активности, от которого зависит интенсивность и продуктивность любой деятельности. Техники активности кратко описаны ниже в локальных переменных.

Локальные переменные:

- Конституирование – процесс воссоздания объекта в себе, из себя и для себя, в котором выражается активность сознания субъекта [15].

- Конструирование – создание субъектом конструкции объекта с целью организации оптимальной функциональной связи его элементов [16, с. 109].

- Творение, созидание – про-изведение субъектом объекта из небытия, «с нуля» [17].

3. Функция «Виды порождающей активности»

Здесь мы снова говорим именно об активности, регулирующей деятельность со стороны ее творческой составляющей. А именно, имеется в виду не просто взаимодействие субъекта и объекта (окружающей действительности), подразумевающее изменение последнего. Но взаимодействие субъекта и объекта, подразумевающее осмысленное создание субъектом новых элементов объекта. В локальных переменных описываем виды такой активности.

Локальные переменные:

- Образование – процесс формирования субъектом объекта из чего-либо; активность субъекта, конституирующая действительность [18].

- Преобразование (изменение) – процесс коренного изменения объекта субъектом; активность субъекта, преобразующая действительность [19].

- Преображение – внесение субъектом в объект образа, меняющего этот объект целиком; порождение нового образа мира, нового качества, нового смысла; осмысленное, осознанное «образование».

Здесь заканчиваем описание функций и локальных переменных функций кода «Аксиологическое доминирование» и кода «Тип активности», с которыми связан параметр «Содержание» субъектности социального субъекта.

Модель ПМСС построена дедуктивно, от общего – к частному. Поэтому, там, где сосредоточены локальные переменные, там, можно сказать, находится «периферия» ПМСС, очень близко соприкасающаяся со сферой действительных отношений субъекта. Следовательно, спрашивать предстояло именно в направлении локальных переменных. Но не «напрямую», а через «*фреймы*» – особые словесные формулы, имеющие единый алгоритм, но благодаря единому алгоритму, способные пластично менять смысл предложения, в зависимости от конкретных обстоятельств диагностики.

Таким образом, мы обратились к фреймингу локальных переменных функций кодов ПМСС.

Идея выделения фрейминга как самостоятельного когнитивного процесса, принадлежит Ирвингу Гофману (1974). Есть два основных подхода к пониманию фрейминга:

- «социологический подход», где фрейминг рассматривается преимущественно с точки зрения ситуации и экстралингвистических факторов. То есть, знание экстралингвистических факторов не только необходимо для понимания фрейма, но и сами эти факторы встраиваются в структуру фрейма как ее необходимые части (например, последовательность действий наряду со словами при какой-то типичной ситуации);

- «лингвистический подход», где фрейминг понимается с точки зрения конкретного лингвистического заполнения структуры фрейма. Здесь основное внимание уделяется вербальному заполнению фрейма и на его основании делаются выводы, в том числе, и об экстралингвистических факторах (например, по использованию метафор возможно определить идеологическую принадлежность говорящего).

«Социологический подход» дает возможность всестороннего анализа дискурса, а «лингвистический» – упрощает анализ таких дискурсов, где знание всех действий или факторов затруднительно или невозможно, и мы можем полагаться, в основном, только на текст (например, при исследовании литературного произведения) [20].

Фреймовая система – одна из форм представления знаний в экспертных системах. Фрейм – это формализованная структура, состоящая из набора ячеек – слотов. Каждый слот включает в себя определенное имя и ряд ассоциируемых с ним значений, представляющих собой данные, процедуры, ссылки на другие фреймы. Фреймы используются для моделирования аналогий, описания областей с родовидовыми связями понятий и т.п.

Во фреймовой семантике фрейм является одновременно:

- набором предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов;
- организацией представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера), плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация). Фрейм – структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти [21, с.44].

В лингвистике фреймы интерпретируются как способ языковой категоризации действительности, связанный с обобщением опыта и репрезентацией в языке существенных, типичных и возможных составляющих этого опыта. [22, с. 981] Являясь когнитивной категорией, фрейм, как и другие когнитивные феномены, для своего выражения нуждается в вербальных средствах и реализуется в дискурсивной практике с помощью определенных механизмов, то есть моделирования такой структуры, которая позволила бы осуществлять познавательную деятельность [20, с. 190-192].

Фреймы определяются как «центральная организующая идея или сюжет, которая придает смысл разворачивающейся последовательности событий» и как хранящиеся в сознании скопления (clusters) представлений, которые направляют процесс обработки информации индивидом» [23]. Таким образом, основными функциями фреймов будут выдвижение значимого фрагмента события/ситуации на первый план и содействие выбору схемы для обработки информации, поступающей из окружающего мира [20].

Понятию «фрейм» соответствуют такие понятия, как «схема» в когнитивной психологии, «ассоциативные связи», «семантическое поле». С определенными языковыми фреймами ассоциированы «сцены». Под «сценой» понимаются не только зрительные, но и иные виды внутренних мыслительных образов; межличностные процессы общения, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурой, институциональные структуры и др. «Сцена» и «фрейм» соотносятся посредством «перспективы»: в сценах и ситуациях можно выделить функции, исполняемые теми или иными участниками. По ходу речи одни участники выдвигаются на первый план, а другие оказываются на втором плане. Иерархия превосходства, или выделенности (saliency hierarchy) предопределяет, что именно в первую очередь является кандидатом на такое выдвижение.

Соотнесение сцен и фреймов бывает неоднозначным, когда два или большее количество элементов предложения указывают на одну и ту же часть сцены.

Сгруппировать понимание термина фрейм можно следующим образом:

1. Фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанцией, а также контекстов употребления в жизни человека.

2. В концепции И. Гоффмана (где понимание термина берется у Г. Бейтсона), фрейм ассоциирован с английским словом frame-work (каркас) и указывает на «аналитические леса» - подпорки, с помощью которых мы постигаем свой собственный опыт. В этой концепции фреймы – базисные элементы, которые исследователь в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций. Ситуации подчинены организующим принципам, «генерирующим» те или иные события.

3. Общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная», или «народная», теория (folk theory), как система категорий, структурированных в соответствие с мотивирующим контекстом.

4. Единица знания, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия.

Схемы, или контуры понятий, или термов, соединены в систему, придающую связность тому или иному аспекту человеческого опыта. Эта структура может содержать элементы, одновременно являющиеся частями других таких контуров.

В построении фреймов к локальным переменным функций кодов ПМСС все локальные переменные выступают интерпретативной базой [21, с. 44-62].

Теоретически, валидность тестового задания определяется наличием согласованности поверхностной и ядерной структур [24], что и должен содержать правильно составленный фрейм. Следовательно, многое зависит от того, что будет выбрано в качестве «ядерных образований», которые смогут внутренне регулировать построение «поверхностного» рисунка конкретного тестового задания.

К числу «ядерных образований» мы относим, прежде всего, содержание таких психологических категорий как: «готовность», «событие» и «ситуация». Это значит, что, будь то вопрос, или утверждение, адресованные респонденту, или же какая-либо другая форма самоотчета со стороны самого обследуемого (например, «жизненная история», «автобиография» или «сказка о себе») – каждая семантическая единица должна «просвечиваться», пропускаться, проверяться на соответствие критериям «готовности», «событийности» и «ситуационности». И только в случае наличия всех трех «показателей» мы будем иметь алгоритм, подтверждающий правильность выбранной диагностом формулировки – теперь уже фрейма – алгоритм, определяющий и степень «достаточности» для выбора и анализа того текста или фрагмента текста, который принадлежит самому респонденту [25].

Говоря кратко об этих критериях, отметим, что «готовность» понимается как расположенность субъекта к определенному поведению в конкретной ситуации. «Событийность» – как наличие в формулировке фрейма события, под которым понимается значимое для субъекта переживание, меняющее его взгляд на окружающее [26]. «Ситуационность» – как присутствие субъекта в этом переживаемом изменении окружающей действительности, со своими мыслями и чувствами, а также с возможностью оказать на него (на это изменение) влияние своей (субъекта) деятельностью.

Для наглядности приведем пример формулировки фреймов к локальным переменным функции «Тип отношения» (код Аксиологическое доминирование) (Таблица 1):

Таблица 1

Примеры фреймов к функции «Тип отношения» кода «Аксиологическое доминирование» в ПМСС

Функция «Тип отношения» (Код 2)		
«Измерения» социального субъекта	Локальные переменные	Фреймы
Индивид	Потребительное отношение (С-О)	«Иду гулять в парк»
Индивидуальность	Оценочное отношение (С-О-С)	«Не пойду в парк – там слишкомлюдно»
Личность	Ценностное отношение (С-С)	«С тобой – хоть в парк, хоть на край света»

Таким образом, словесные формулы лягут в основу создания методики диагностики ПМСС, которая может стать личностным опросником, методикой «лайф стори», или принять какой-либо другой вид.

Заклучение. С выводом ПМСС в «свет» эмпирической диагностики связаны, на наш взгляд, решения многих конкретных вопросов в производственной сфере, там, где ведущим является «человеческий фактор». Именно этот «человеческий», фактор, подвержен травмам, стрессам, конфликтам, кадровым метаморфозам, интердикциям, фрустрациям, депривациям, депрессиям – что, естественно, интенсифицирует восприятие социальным субъектом не только своей «рабочей ситуации», но и «жизненной ситуации» в целом, как опасной.

Можно ли избежать, предупредить, поставить в профилактические рамки, предвидеть, вовремя предотвратить, научить, не допустить «срывов» в ситуацию «опасность» как со стороны самого работника-исполнителя, так и со стороны его руководства? – На эти и многие другие вопросы может ответить диагностика *состояния ПМСС социального субъекта и паттерна ПМСС*.

Примечания:

1. Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса / Под общ. ред. С.Н.Тесля, И.Б. Шуванова. Сочи, РИЦ СГУ, 2012. 306 с.
2. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И. Т. и др. 3-е изд., перераб. и доп., М.: Республика, 2003. 623 с.
3. Тесля С.Н. Генеалогия мировоззрения (Ретроспекция философских, антропологических и психологических оснований концепции). Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. 96 с.
4. Выжлецов Г.П. Эстетика в системе философского знания. ЛГУ, 1984, 175 с.; Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.; Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Философско-культурологический альманах. Вып. 11. // Под редакцией М. С. Уварова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 201 с.
5. Прудникова З.С., Тесля С.Н. Аксиологическая модель как методологический критерий типологии социального субъекта / Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений 4 Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005). Том 1. М.: «Современные тетради», 2005. С. 223-224.
6. Крайг Г., Бокум Д. Словарь по книге: Психология развития. 9-е изд., СПб.: Питер, 2005. 940 с.
7. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
8. Глоссарий психологических терминов / Под. ред. Н.В. Губина, М.: Наука, 1999. 512 с.
9. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губского и др. М.: ИНФРА-М, 2006. 574 с.
10. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 462 с.
11. Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. с фр.: С. Зенкина., М.: Рудомино, 1995. 172 с.
12. Кемеров В.Е. Философская энциклопедия. М.: Панпринт, 1998. 453 с.; Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему. Т. II. Социокультурный словарь / 2-е изд., перераб. и доп., Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.
13. Леонтьева В.М. Онтологія культури: екзистенціально-антропологічні засади культуротворчості, Гілея: науковий вісник 2009 Вип. 27., Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич., К.: ВІР УАН, 2009. 420 с.
14. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога, 2-е изд. СПб.: Питер, 2006, 526 с.; Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. Том 7. № 1. 1986. С. 76.
15. Итернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т.т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010; Философский словарь, режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/konstituivovanie>.
16. Власов В.Г. Иллюстрированный художественный словарь. СПб.: Икар, 1993. 272 с.
17. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т., СПб.: Азбука-классика, 2004-2009.; Философский словарь, режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/tvorenie>; Хайдеггер М. Вопрос о технике/ Время и бытие. М., «Республика», 1993. Стр. 234. А так же: Хайдеггер М. Поворот / Там же, С. 255.
18. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
19. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.
20. Павлова О.В. «Социологическая» и «лингвистическая» интерпретация понятия «фрейминг» // Альманах современной науки и образования, Тамбов: Грамота. 2010. № 7 (38). С. 190-192.
21. Тесля С.Н., Исаченко А.Ю., Шуванов И.Б. Структура психологической модели субъектности социального субъекта / Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса. Сочи, 2012. С. 8–64.

22. Палкевич О. Я. Концептуализация и категоризация в аспекте аналитико-синтетической деятельности человека // Концепт и культура: материалы II Международной научной конференции. Прокопьевск, 2006. С. 976-984.
23. Scheufele Dietram A. Framing as a theory of media effects // Journal of communication. 1999. Winter. P. 103-122.
24. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15-29.
25. Тесля С.Н., Беляев А.А. Проблема верификации психологической модели субъектности социального субъекта // Дружининские чтения. Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции 23-25 мая 2013 г., СГУ, г. Сочи. С. 27-30.
26. Мелас В.Б. Переживание и событие. Философские очерки. СПб.: Изд-во ВВМ, 2009. 237 с.

UDC 159.9.01

**The “Content” Parameter within the Psychological Model of Subjectivity:
the Problems of Diagnosing the State of the Psychological Model of Subjectivity
within a Social Subject**

¹ Svetlana N. Teslya

² Aleksei A. Belyaev

¹ Sochi State University, Russian Federation
354000 Sovetskaya street, 26 a
Doctor of philosophical sciences, Professor
E-mail: wayness@yandex.ru

² Sochi State University, Russian Federation
354000 Sovetskaya street, 26 a
Post-graduate student
E-mail: albelexus@mail.ru

Abstract. The article uses a subjective approach to examine the structure of the Psychological model of the subjectivity of a social subject as a system of subjective codes. The article analyses where “content” – an important parameter within the subjectivity of a social subject – fits in the present model. The article describes the logic of empirical verification of the state of the psychological model of subjectivity by appealing to the framing of local variables of a function of codes within the psychological model of subjectivity.

Keywords: subjectivity; psychological model of subjectivity; social subject; code; state; framing; local variables of a function of codes of subjectivity.